

¹⁸ См.: Ц а р е в а А. В. Указ. соч. С. 66–77; D a v i d s o n L. A. The End of Print: Digitization and Its Consequence—Revolutionary Changes in Scholarly and Social Communication and in Scientific Research // International Journal of Toxicology. 2005. Vol. 24. P. 30–31; K u l c z y s k i E. Blogs and scientific services. Scientific communication in culture of convergence [Electronic resource]. Mode of access: <http://repozytorium.amu.edu.pl/jspui/handle/10593/2521>. 2012. Date of access: 02.02.2012.

¹⁹ См.: C u m m i n g s J., K i e s l e r S. Collaborative Research across Disciplinary and Organizational Boundaries // Social Studies of Science. 2005. Vol. 35, № 5. P. 703–722; M i n s k i M. Telepresence // Omni. 1980. Vol. 2. P. 45–51.

²⁰ См.: N a h o t k o M. Komunikacja naukowa w środowisku cyfrowym. Globalna biblioteka cyfrowa w informatycznej strukturze nauki. Warszawa, 2010. S. 45–55.

²¹ См.: F u c h s C. Op. cit. P. 115.

УДК 316.644:316.347(=161.3)(438+474.5-854)

И. Д. РАСОЛЬКО,
(МИНСК)

ФАКТОРЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА БЕЛОРУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОГРАНИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ

Осуществлен сравнительный анализ факторов воспроизводства белорусской идентичности в диаспоральных контекстах Польши и Литвы. Основной эмпирической базой работы являются результаты, полученные в ходе осуществления международного исследовательского проекта ENRI-East (2008–2011 гг.). Анализ данной информации включил в себя сравнение рассчитанных индексов, а также интерпретацию результатов факторного анализа. На основе полученной системы взаимосвязанных факторов были определены особенности воспроизводства белорусской идентичности в сообществах белорусских меньшинств в Польше и Литве. Несмотря на то, что оба исследуемых сообщества были образованы формально схожим образом, различная интенсивность воздействия взаимосвязанных факторов в течение продолжительного времени обусловила формирование двух различных диаспоральных типов белорусской идентичности. Данное обстоятельство позволяет говорить об инвариантности актуального содержания белорусской идентичности.

Ключевые слова: пограничье, диаспоральность, белорусская идентичность, национальное меньшинство, белорусское меньшинство в Польше, белорусское меньшинство в Литве.

Белорусская идентичность как предмет исследований остается открытым междисциплинарным вопросом. Сегодня существует целый ряд вариантов определения содержания белорусской идентичности, что свидетельствует о многомерности феномена и незавершенности работы по его постижению и конструированию. При этом подобные исследования фокусируются на белорусской идентичности как национальной, рассматриваемой в контексте развития белорусского государства.

Comparative analysis of the factors of reproduction of the Belarusian identity in diaspora contexts of Poland and Lithuania was implemented. The main empirical data are the results of the study, which was conducted as a part of an international research project ENRI-East (2008–2011). The analysis of this information has included the comparison of calculated indexes and the interpretation of factor analysis results. Characteristics of reproduction of the identity in Belarusian minorities in Poland and Lithuania have been identified. These communities were formed in a similar way, however a different intensity of the impact of interrelated factors in the long term has determined the formation of two different diaspora types of Belarusian identity. All this allows to speak about the invariance of the actual content of Belarusian identity.

Key words: border, diasporality, Belarusian identity, national minority, Belarusian minority in Poland, Belarusian minority in Lithuania.

В данной работе мы планируем сместить фокус исследования с идентичности населения Республики Беларусь на уникальные формы зарубежной белорусской идентичности, что позволит рассмотреть особенности воспроизводства белорусского проекта в различных условиях. Интерес к подобным феноменам обусловлен и тем, что в ситуациях функционирования в иноэтническом контексте для социального агента в значительной степени актуализируется рефлексия над вопросами собственной идентичности.

В качестве объекта исследования в данной работе выступают носители белорусской идентичности, проживающие в пограничных пространствах Польши и Литвы. Выбор объекта обусловлен следующими причинами.

Во-первых, объект данного исследования представляет собой две генетически схожие группы. Согласно терминологии Р. Брубейкера, данные группы могут быть квалифицированы как «диаспоры катаклизма»¹. Как «диаспоры катаклизма» данные сообщества были образованы «движением границ» в условиях обострения конкуренции национальных проектов, вызванных распадом Российской империи, который привел к разрушению государственных границ и устранению возможности их переструктурирования согласно формулам классического национализма. Проблематичность реализации бесконфликтного становления национальных проектов в этноконтактных пограничных пространствах привела к динамичным изменениям в идентичности, что актуализирует исследование факторов формирования белорусской идентичности в подобных условиях.

Оба случая представляют собой примеры формирования идентичностей в условиях *пограничья* как пространства межкультурного взаимодействия² и *диаспоральности* как функционирования в контексте других этнических групп³. Рассмотрение двух ситуаций не только как пограничных, но и диаспоральных, позволяет сузить концептуальную рамку анализа, акцентировать внимание на частностях и различиях, порождаемых контекстуальными фонами каждой ситуации, и их влиянии на характер формирования белорусской идентичности.

Во-вторых, учитывая формальную схожесть двух групп, появляется возможность сравнительного анализа, что позволяет задать соразмерный контекст эмпирическим данным, найти особенности идентичностей двух сообществ относительно друг друга. Сравнительный анализ становится возможным на основе сопоставимых данных количественных исследований, полученных в ходе реализации международного проекта ENRI-East. Данный проект предусматривал проведение опросов 12 групп меньшинств, в том числе белорусского меньшинства Польши (сконцентрированного, главным образом, в подляшском регионе) и Литвы, что представляет собой уникальную информацию для исследований белорусской идентичности в польско-белорусско-литовском пограничье. Таким образом, основная эмпирическая информация данной статьи была получена в результате исследований по методу стандартизированных интервью в рамках проекта ENRI-East*.

* Подробная информация о методологии исследований проекта ENRI-East содержится на сайте проекта (www.enri-east.net). Однако следует отметить, что в данной статье вопрос «Из следующего списка, пожалуйста, выберите утверждение, которое лучше всего описывает Ваш этнический статус» мы рассматривали как скрининговый. В анализ не включались респонденты, выбравшие вариант «поляк» или «литовец», так как в данном случае о респонденте сложно говорить как о носителе белорусской идентичности. Если в «литовском» случае таких респондентов не было, то в «польском» случае база дальнейших расчетов была сокращена на 2 %.

Цель статьи – выявить факторы, определяющие способы воспроизводства белорусской идентичности в двух обозначенных случаях пограничья и диаспоральности, что дает важное основание для дальнейшего исследования белорусской идентичности.

В данной статье концепт белорусской идентичности выступает в качестве номинативной предметной рамки, содержание которой раскрывается через проявление различных типов идентичности, составляющих ее структуру и содержание. Такой подход к анализу идентификационных представлений оправдан, так как белорусская идентичность для различных ее носителей может являться этнокультурной, гражданской, территориальной, конфессиональной, а также может включать иные компоненты и, главное, совмещать их, что особенно актуально для пограничных идентичностей. Таким образом, идентичность рассматривается нами не как сущностная характеристика индивида или группы, но как сложная система, подвергаемая постоянным флуктуациям.

Актуальность и новизна исследования обусловлена не только его сравнительным характером, но и тем, что если идентичности восточного пограничья Польши находятся в фокусе польских социологических исследований, то литовские исследования не акцентировали внимание на вопросах воспроизводства белорусской идентичности в Литве⁴.

В качестве начальной точки анализа нами рассматриваются способы воспроизводства идентичности в ситуации диаспоральности. Среди возможных выделим два наиболее распространенных варианта, которые могут быть условно обозначены как «естественный» и «миграционный» (по аналогии с двумя видами демографического движения).

Для разделенных народов, образованных «движением границ», наиболее характерным способом воспроизводства идентичности, референтной государству происхождения, будет являться, вероятно, межпоколенческая трансляция. Данный способ воспроизводства обозначен как «естественный». Он реализуется через процесс социализации, т. е. передачу культурного кода от родителей к детям. Как отмечали авторы публикации «Беларуская дыяспара: нарысы гісторыі і сучаснага стану», во время переписи населения Польши в 2002 г. «некоторые родители записывали своих детей поляками»⁵. Результаты исследований проекта ENRI-East позволят получить информацию о возможности действия данного фактора в настоящее время.

В интервью респондентам задавался вопрос об этнической принадлежности их детей. Примерно в каждом пятом случае родители, отождествляя себя с белорусами, определяли принадлежность своих детей в соответствии с «титულიй нацыяй» принимающего государства. При этом различия по данному параметру в двух исследуемых группах не существенны, а большинство подобных ситуаций пришлось на случаи браков респондентов с представителями доминирующей этнической группы (77 % в литовском случае и 63 % в польском).

Можно констатировать, что в обоих сообществах «естественное» воспроизводство белорусской идентичности характерно приблизительно для 80 % референтных случаев естественного демографического движения. В случаях смешанных браков данный показатель принимает существенно меньшее значение.

Оценивая перспективы данного способа воспроизводства идентичности, необходимо учитывать возрастную структуру данных сообществ. По резуль-

татам переписи 2002 г. в Польше и 2001 г. в Литве, белорусское меньшинство оказалось более старым относительно всего населения государства как в литовском⁶, так и польском⁷ случае, что сокращает потенциал данного способа воспроизводства.

В качестве второго основного способа воспроизводства рассмотрим «миграционный», суть которого в том, что количество носителей белорусской идентичности в принимающих странах обеспечивается за счет миграции ее носителей из Республики Беларусь. Включаясь в новое социальное пространство, изначально воспроизводя «не-диаспоральный» тип белорусской идентичности, мигрант вступает во взаимодействие как с носителями доминирующих типов идентичности принимающего государства, так и, как правило, с носителями «диаспоральных» вариантов белорусской идентичности. Учитывая длительность пребывания исследуемых сообществ в режиме «разделенного народа», миграционный способ воспроизводства интересен как фактор воздействия на формирование различных типов «диаспоральной» белорусской идентичности.

В значительной степени миграционный способ воспроизводства характерен для литовского случая: 71 % респондентов данной группы указали на то, что они родились в Беларуси, в то время как 69 % респондентов, опрошенных в польском пограничье, отметили Польшу в качестве страны своего рождения. Более подробно роль миграционного способа воспроизводства будет рассмотрена в процессе дальнейшего анализа.

В качестве следующего шага анализа имеет смысл рассмотреть факторы-основания, определяющие содержание воспроизведенной идентичности через индикаторы представления о важности различных ее элементов. Такими индикаторами выступают рассчитанные индексы значимости элементов идентичности (табл. 1).

Таблица 1

Индексы значимости компонентов идентичности, в индексных весах, принимающих значения от (-1) – (отсутствие значимости компонента) до 1 – (максимальная значимость компонента)

Исследуемые группы	Факторы-основания белорусской идентичности							
	Родиться в Беларуси	Иметь белорусское гражданство	Прожить в Беларуси большую часть жизни	Говорить на белорусском языке	Быть православным	Уважать политическую систему и законы Беларуси	Чувствовать себя белорусом	Иметь предков белорусов
Белорусское меньшинство в Литве	0,22	-0,20	-0,08	0,39	-0,48	0,21	0,70	0,59
Белорусское меньшинство в Польше	-0,12	-0,06	-0,18	0,63	0,70	0,13	0,73	0,60

На основании результатов расчета *t*-теста для двух независимых выборок можно говорить о том, что максимально значимые различия ($p < 0,001$) относятся к переменным «родиться в Беларуси», «прожить большую часть жизни в Беларуси», «говорить на белорусском языке», «быть православным». Также можно говорить о значимых различиях характерных для переменной «иметь гражданство Республики Беларусь» ($p = 0,027$).

Наиболее существенные различия характерны для оценки важности религии. Для группы носителей белорусской идентичности Подляшья это один из наиболее значимых элементов белорусской идентичности, важнейший самоидентификационный маркер⁸, в то время как для носителей белорусской идентичности Литвы индекс значимости конфессионального фактора наименее значим.

Такое различие объясняется, в первую очередь, спецификой конфессиональной структуры двух сообществ. Исследуемая подляшская группа в данном аспекте является гомогенной (99 % респондентов декларируют приверженность православию); литовская группа по данному критерию значительно более дифференцирована (согласно исследованию, данную группу составляют не только православные (37 %), но также католики (47 %), представители других вероисповеданий).

При этом религиозность подляшской группы носит более активный характер. Так, порядка 40 % носителей белорусской идентичности, проживающих в Подляшье, участвуют в религиозных обрядах не менее одного раза в неделю, в то время как в литовском случае данный показатель составляет 22 % (при этом наибольшую активность проявляют католики).

Обращая внимание на контекст функционирования двух групп, следует отметить тот факт, что в обоих государствах количественно преобладает католическое население (77,3 % – в Литве (по результатам переписи 2011 г.)⁹ и 87 % – в Польше (по данным на 2011 г.))¹⁰. Необходимо учесть особенности религиозности населения двух государств. Так, по результатам международных исследований ценностей в рамках проекта EVS (European Values Study)¹¹, в 2008 г. население Польши выделялось высоким уровнем религиозной активности: более 53,1 % респондентов отметили, что посещают богослужения не реже одного раза в неделю. В Литве данный показатель составил 11,8 %. Следовательно, перспективы оформления образа «поляка-католика» в качестве «другого» для представителей белорусского меньшинства Польши значительно выше, чем образа «литовца-католика» для носителей белорусской идентичности в Литве. Соответственно, православная религиозность может являться существенным основанием для подляшских вариантов белорусскости, в то время как в литовском случае она едва ли может выполнить данную функцию. Об этом свидетельствует также тот факт, что «православные богослужения на белорусском языке в церкви св. Николая были остановлены из-за низкой активности верующих»¹².

Другое существенное различие двух структур белорусской идентичности состоит в значимости языкового фактора как основы идентичности. Несмотря на то, что в литовском случае индекс значимости белорусского языка имеет достаточно высокое значение относительно других факторов, показатель данного индекса в подляшском случае принимает значительно большее значение.

Данное обстоятельство носит то же объяснение, что и различия в значимости конфессионального фактора. По результатам массового опроса, проведенного в рамках проекта ENRI-East, белорусский язык как средство коммуникации в семейной группе чаще используется респондентами, опрошенными в Польше. 37 % респондентов наиболее часто используют белорусский язык при общении дома, еще 38 % используют в данной ситуации и белорусский, и польский языки. В то же время более половины респондентов, опрошенных в Литве, чаще всего употребляет в домашнем общении русский язык, тогда как белорусский язык в этой ситуации используется каждым пятым респондентом.

Отмечая распространенность белорусского языка как коммуникативного средства в белорусском сообществе Подляшья, необходимо обратить внимание на Закон о национальных и этнических меньшинствах и региональном языке, принятый 6 января 2005 г., согласно которому белорусское меньшинство приобрело официальный статус национального меньшинства, а белорусский язык – статус регионального. В соответствии с данным законом, белорусский язык как язык меньшинства может быть использован при контактах с администрацией гмин в качестве «вспомогательного» языка. Для этого доля представителей белорусского меньшинства должна составлять не менее 20 % от населения гмины¹³. Согласно результатам переписи 2002 г., данному условию соответствуют 12 гмин Подляшского воеводства: сельские гмины Чиже, Дубиче-Церкевне, Орля, Нарев, Наревка, Бельск-Подляски, Клещеле, Черемха, Грудек и городские гмины Бельск-Подляски и Хайнувка¹⁴. Однако по состоянию на апрель 2012 г., в официальный реестр гмин с использованием вспомогательного языка внесены сельские гмины Чиже, Орля, Хайнувка, Наревка, а также городская гмина Хайнувка¹⁵. С ноября 2011 г. в гмине Орля согласно Закону применяются дополнительные названия ряда населенных пунктов на региональном языке¹⁶. Соответственно, характер расселения носителей белорусской идентичности в Подляшье становится фактором, благодаря которому язык остается как инструментом повседневной коммуникации, так и этнодифференцирующим маркером, что повышает его идентификационную значимость.

Так актуализируется вопрос о пространственном факторе воспроизводства идентичности. Имеет смысл выделить два аспекта пространственного фактора: физический и интерсубъективный.

Обращая внимание на физический аспект, следует отметить компактный характер расселения носителей белорусской идентичности в Подляшье и более дисперсный характер их расселения в Литве. В ряде гмин Подляшского воеводства данная социальная группа составляет большинство населения (например, в гминах Чиже и Дубиче-Церкевне представители белорусской этнической группы составляют 80 % населения¹⁷). Для литовского случая не характерно столь концентрированное расселение исследуемой нами социальной группы, отсутствуют случаи ее количественного доминирования в населенных пунктах.

Компактность и концентрированность расселения в условиях диаспоральности порождает феномены формирования специфического социального пространства. Формируется устойчивое коммуникативное пространство, повышающее инструментальную роль белорусского языка. В условиях дисперсного расселения значимость его инструментальной функции снижается ввиду наличия значительного количества агентов, не обладающих данным лингвистическим капиталом.

Однако коммуникативное пространство (как аспект интерсубъективного пространства) не замыкается в пространстве физическом: развитие средств коммуникации и транспорта позволяют агентам преодолевать ограничения физического пространства.

Возникает возможность включения в коммуникативное пространство агентов, проживающих в Республике Беларусь как в стране происхождения. Как видно из табл. 2, отражающей распределение ответов на вопрос «У Вас есть проживающие в Беларуси...», у большинства респондентов, опрошенных в Литве, есть родственники, друзья или другие знакомые в Республике Беларусь. Обратная ситуация характерна для сообщества, проживающего в регионах восточного пограничья Польши.

Вариант ответа респондентов на вопрос «У Вас есть проживающие в Беларуси...», %

Исследуемые группы	Категории		
	Родственники	Друзья	Другие знакомые и бизнес-партнеры
Носители белорусской идентичности, проживающие в Литве	93	78	57
Носители белорусской идентичности, проживающие в Польше	2	12	3

Данные, представленные в табл. 3, свидетельствуют о наличии активных контактов с представителями метрополии у носителей белорусской идентичности, проживающих в Литве, и о почти полном отсутствии подобных контактов у респондентов, опрошенных в Польше. В табл. 3 отражена доля респондентов, поддерживающих контакты с родственниками и друзьями, проживающими в Беларуси, не реже одного раза в месяц посредством различных средств коммуникации.

Вариант ответа респондентов на вопрос «Как часто Вы общаетесь с родственниками/друзьями в Республике Беларусь?», %

Исследуемые группы	Форма общения			
	По телефону (SMS)	По почте	С помощью интернета	В ходе личных встреч, лицом к лицу
Носители белорусской идентичности, проживающие в Литве (N = 371)	47,7/34,7	3,2/3,2	29,6/35,4	31,8/28,3
Носители белорусской идентичности, проживающие в Польше (N = 86)	4,7/2,1	1,2/6,4	1,2/4,3	2,3/4,3

Обращая внимание на роль миграционного способа воспроизводства в расширении коммуникативного пространства, следует отметить, что в литовском случае представители группы мигрантов, родившиеся в Беларуси, чаще декларируют наличие родственников и друзей в стране происхождения, чем представители группы респондентов, которые родились на территории Литвы. Частота контактов с помощью телефонной связи как одного из наиболее распространенных каналов коммуникации, с населением страны происхождения выше в группе мигрантов (наличие связи между данными переменными проверено согласно критерию Хи-квадрат Пирсона), что подтверждает тезис о роли предшествующего опыта в формировании их коммуникативного пространства мигрантов.

Социальные пространства двух ситуаций значительно различаются в интрасубъективном аспекте. Можно отметить изолированность сообщества

белорусов в Подляшье, его замкнутость на себе самом (55 % респондентов данной группы отметили, что большинство их друзей происходит из группы белорусского этнического меньшинства) и «открытость» сообщества в Литве (69 % респондентов данной группы отметили, что большинство из друзей принадлежат к различным этническим группам), обеспечиваемую активными контактами с носителями белорусской идентичности, проживающими в Республике Беларусь.

Подробнее особенности восприятия пространства могут быть проанализированы на основании результатов ответов на вопрос о близости респондентам различных социальных групп и пространств. В табл. 4 представлены индексы значимости пространственно-групповых компонентов, построенные на основании распределения ответов на вопрос «Насколько близким себе Вы считаете...».

Таблица 4

Индексы значимости пространственно-групповых компонентов, в индексных весах, принимающих значения от (-1) – (отсутствие значимости компонента) до 1 – (максимальная значимость компонента)

Исследуемые группы	Индексы значимости пространственно-групповых компонентов белорусской идентичности						
	Белорусское меньшинство	Населенный пункт	Принимающая страна	Страна происхождения	Балтийский регион	Восточная Европа	Европа
Носители белорусской идентичности, проживающие в Литве	0,10	0,52	0,41	0,27	-0,26	-0,29	-0,18
Носители белорусской идентичности, проживающие в Польше	0,62	0,83	0,74	-0,04	-	0,14	0,21

По результатам проведения *t*-теста сравнения двух независимых выборок было выявлено наличие максимально значимых различий по каждой переменной.

Структура распределения значений индексов переменных в двух случаях является схожей: относительно низкие значения индекса характерны для переменных «Европа», «Восточная Европа», «Балтийский регион» (о близости которого вопрос не задавался респондентам в Польше), «государство происхождения»; более высокие значения характерны для переменных «локальное поселение» и «принимающее государство». Из общей для двух групп структуры выделяется переменная «этническое меньшинство», значение индекса которой высокое в польском случае и низкое в литовском.

Следует отметить, что данная переменная отличается от других и семантически – она связана с характеристикой группы, остальные же рассматриваемые переменные характеризуют отношение к пространству. Таким образом, становится возможным определить позицию группы меньшинства в системе восприятия пространства, ее включенности и соотношенности с заданными пространствами. Для решения данной задачи была осуществлена процедура факторного анализа методом главных компонент.

Матрицы повернутых компонент, полученные в результате применения факторного анализа близости этнического меньшинства и различных пространств, в значениях факторных нагрузок

Белорусское меньшинство в Литве

Переменные	Компоненты		
	1	2	3
Этническое меньшинство			0,816
Населенный пункт, текущего проживания		0,848	
Литва		0,812	
Беларусь			0,836
Балтийский регион	0,717		
Восточноевропейский регион	0,880		
Европа	0,879		

Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошлось за 4 итерации.

Не отображены факторные нагрузки < 0,5

Мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина = 0,781

Кумулятивный процент объясненной дисперсии трех компонент = 73,2 %

Белорусское меньшинство в Польше

Переменные	Компоненты		
	1	2	3
Этническое меньшинство		0,804	
Населенный пункт, текущего проживания		0,853	
Польша		0,644	
Беларусь			0,801
Переменная «Балтийский регион» не применима для данной группы			
Восточноевропейский регион	0,834		
Европа	0,916		

Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошлось за 7 итераций.

Не отображены факторные нагрузки < 0,5

Мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина = 0,683

Кумулятивный процент объясненной дисперсии трех компонент = 81,8 %

Результаты факторного анализа демонстрируют устойчивую структуру пространственных компонент. В обоих случаях первая компонента включает в себя переменные, связанные с наднациональным европейским пространством. Вторая компонента соотносится с пространством принимающего государства, включая в себя переменные «населенный пункт, в котором проживаете» и «Литва/Польша». Третья компонента соотносится с государством происхождения. Групповая переменная в литовском случае оказывается включенной в компоненту, соотнесенную с пространством Беларуси, в польском случае соотносится с локальным и общим пространством Польши. Наиболее сильная корреляционная связь характерна для переменных, относя-

щихся к оценкам близости этнического меньшинства и локального пространства (коэффициент корреляции Пирсона между переменными «этническое меньшинство» и «населенный пункт проживания» составил 0,558, в то время как между переменными «этническое меньшинство» и «Польша» он составил 0,314 (коэффициенты рассчитаны на основании проиндексированных переменных).

Именно локальные пространства Подляшского воеводства содержат в себе компоненты, на основании которых в настоящий момент и воспроизводится белорусская идентичность Подляшья (опыт коллективных религиозных практик и коммуникации на локальном языке, формирующий у социальных агентов субъективного переживания белорусскости). Таким образом, «свои» представляют собой именно локальную группу, а не референтное белорусскому пространству «воображаемое сообщество»¹⁸, чему способствует низкий уровень трансграничных контактов и связанный с ним низкий показатель социальной мобильности. Данные особенности порождают различия в содержании вариантов подляшской и внутренней белорусской идентичностей, что в дальнейшем может становиться фактором изоляции подляшского белорусского сообщества от белорусского государственного пространства.

В литовском случае отмеченная доминирующая символическая близость белорусского меньшинства и пространства государства происхождения обеспечивается за счет ряда факторов. Во-первых, этому способствует присутствие значимого воздействия миграционного способа воспроизводства идентичности. Представители группы мигрантов в процессе воспроизводства идентичности чаще обращаются к опыту практик периода их пребывания в пространстве Республики Беларусь, которые были сопряжены с регулярными контактами с носителями «не-диаспоральных» форм белорусской идентичности. Во-вторых, значимость белорусского пространства связана и с наличием у носителей белорусской идентичности Литвы постоянных контактов с жителями Беларуси.

Основания для конструирования белорусской идентичности представители данной группы, как правило, находят не только внутри нее, как группе меньшинства, но и в опыте взаимодействия с социальными агентами метрополии. В отличие от подляшского случая, «мы-группа» характеризуется тенденцией расширения за пределы локальных сообществ и соотношения с более крупным «воображаемым сообществом».

Особенности восприятия пространства выступают основаниями для объяснения различий в оценках значимости некоторых элементов белорусской идентичности, рассмотренных ранее в табл. 1. Речь идет об элементах, обозначенных как «родиться в Беларуси» и «прожить большую часть жизни в Беларуси», более высокий уровень значимости которых в литовском случае логически объясняется воздействием латентного пространственного фактора доминирующей соотнесенности литовского меньшинства с пространством Беларуси.

Идентичность, являясь комплексным феноменом, зачастую не эксплицируется в качестве целостной системы, что актуализирует изучение роли латентных факторов в ее формировании. Возвращаясь к системе элементов белорусской идентичности, имеет смысл осуществить факторный анализ данных переменных с целью определения латентных оснований формирования высказываний двух групп респондентов о белорусской идентичности (табл. 6).

Матрицы повернутых компонент, полученные в результате применения факторного анализа элементов белорусской идентичности, в значениях факторных нагрузок

Белорусское меньшинство в Литве

Переменные	Компоненты		
	1	2	3
Родиться в Беларуси	0,594		
Иметь белорусское гражданство	0,849		
Прожить в Беларуси бóльшую часть жизни	0,647		
Говорить на белорусском языке		0,718	
Быть православным			0,883
Уважать политическую систему и законы Беларуси	0,641		
Чувствовать себя белорусом		0,787	
Иметь предков-белорусов		0,595	

Метод выделения: Анализ методом главных компонент. Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошлось за 4 итерации.
Не отображены факторные нагрузки < 0,5

Мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина = 0,661

Кумулятивный процент объясненной дисперсии трех компонент = 59,3 %

Белорусское меньшинство в Польше

Переменные	Компоненты	
	1	2
Родиться в Беларуси	0,842	
Иметь белорусское гражданство	0,890	
Прожить в Беларуси бóльшую часть жизни	0,846	
Говорить на белорусском языке		0,669
Быть православным		0,616
Уважать политическую систему и законы Беларуси	0,661	
Чувствовать себя белорусом		0,754
Иметь предков-белорусов		0,580

Метод выделения: Анализ методом главных компонент. Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошлось за 3 итерации.
Не отображены факторные нагрузки < 0,5

Мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина = 0,774

Кумулятивный процент объясненной дисперсии двух компонент = 59,4 %

Как и в предыдущем факторном анализе, здесь схожа факторная структура в обоих исследуемых случаях. Первая компонента, включающая такие

переменные, как «родиться в Беларуси», «иметь белорусское гражданство», «прожить в Беларуси большую часть жизни», «уважать политическую систему и законы Беларуси», связана с трактовкой белорусской идентичности как гражданской, производной от государства и пространства Беларуси. Вторая компонента включает в себя элементы, характеризующие белорусскую идентичность как этнокультурную. В литовском случае выделяется третья компонента – конфессиональная. Отделение ее от этнокультурной компоненты связано с тем, что православие для представителей белорусского меньшинства в Литве, как правило, не выступает этнообразующим фактором и не становится значимым элементом этнокультурной идентичности.

Выявление данных компонент свидетельствует о том, что агенты, действующие в ситуации диаспоральности, как правило, имплицитно воспроизводят концепции «этнонации» и «нации гражданской» в процессе формирования представлений о белорусской идентичности.

Сопоставляя значения индексов (см. табл. 1) и результаты проведенного факторного анализа (см. табл. 6), можно отметить, что для исследуемых диаспоральных сообществ характерна «этнокультурная» модель идентичности, в то время как элементы «гражданского» типа белорусской идентичности имеют наименьшую значимость для носителей диаспоральных форм белорусской идентичности, что особенно заметно на примере подляшского региона.

Для идентичности белорусов Литвы некоторые переменные «гражданской государственной идентичности» имеют относительно большее значение, что обусловлено в первую очередь доминирующим миграционным способом воспроизводства идентичности. В соответствии с расчетами критерия Хи-квадрат существуют различия в оценках значимости «гражданского фактора» между группами респондентов из Беларуси и респондентов, которые родились в Литве ($p = 0,024$). Различия по другим факторам (религиозному и этнокультурному) незначимы, что доказывает важную роль предшествующего опыта пребывания в государстве происхождения в воспроизводстве идентичности в условиях диаспоральности.

Можно констатировать принципиальное различие между данными зарубежными типами белорусской идентичности и доминирующим типом белорусской идентичности Республики Беларусь. Для пограничных польского и литовского типов белорусской идентичности наиболее характерны апелляции к белорусскости как идентичности этнокультурной, а не гражданской, в то время как в Республике Беларусь отмечаются тенденция роста значимости гражданской национальной идентичности. Как подчеркивает Л. Г. Титаренко, «именно такой тип идентичности постепенно формируется в современной Беларуси»¹⁹ и «тутэйшая» (территориально-локальная) идентичность постепенно замещается на гражданскую»²⁰.

Подводя итог, можно говорить о наличии тесной взаимосвязи между выявленными факторами, которые не могут существовать вне контекста системы «способ воспроизводства идентичности – фактор воспроизводства идентичности – содержание идентичности». Этнодифференцирующие и этнообразующие факторы-основания могут воздействовать благодаря сложившимся социальным пространствам. Факторы-основания и пространственные факторы определяют потенциал и перспективы различных способов воспроизводства идентичности, наполняемой под их воздействием различным содержанием.

Для подляшского сообщества в большей степени характерен естественный способ воспроизводства, реализуемый в пространстве, в котором ярко проявляются этнодифференцирующие и этнообразующие характеристики групп «своих» и «других», на основе которых конструируются более устойчивые образы «другого» и «своего». Однако потенциал «естественного воспроизводства» ограничивается процессом старения данной группы населения.

Для литовского случая не свойственно наличие таких определяющих факторов, характерных для сообщества и не характерных для «другого». И, не смотря на то, что оба сообщества были образованы «движением границ» как «диаспоры катаклизма», в воспроизводстве литовского варианта белорусской идентичности проявляется значимая роль миграционного способа воспроизводства, который способствует и воспроизводству элементов белорусской «не-диаспоральной» идентичности. Соответственно, белорусское меньшинство Литвы приобретает характеристики «трудовой диаспоры», образованной «движением людей через границы»²¹. Миграция населения обеспечила более дисперсное расселение, чем миграция границ, что обусловило образование пограничных пространств в локусах, физически не привязанных к историческому белорусско-литовскому пограничью. Несмотря на то, что миграционный способ не оказал значительного влияния на трансформацию и воспроизводство польского варианта белорусской идентичности, данный фактор обладает значительным потенциалом воздействия на его дальнейшую динамику. Следует учесть, что Подляшье, аграрный регион, представляет собой, по выражению авторов публикации «Беларуская дыяспара: нарысы гісторыі і сучаснага стану» «экономическую маргинальность Польши»²². Это обстоятельство повышает потенциал внутренней миграции для молодых агентов, отличающихся высокой социальной мобильностью. Данный процесс обладает ассимиляционным потенциалом, так как вырывает социальных агентов из локального сообщества, в котором реализуются практики, воспроизводящие подляшскую белорусскую идентичность, и таким образом «размывает» данное пространство.

Что касается выявленных факторов особенностей содержания идентичности, можно говорить о наличии в обоих случаях доминанты этнокультурного проекта белорусскости, при этом их структура представляется различной. Это подтверждает не только тезис об актуальной инвариантности белорусской идентичности, но и обращает внимание на необходимость дальнейшего анализа ее различных содержаний. Учитывая специфику предмета, эффективному достижению данной цели должно способствовать обращение к информации, полученной на основе применения качественных методов.

Библиографический список

¹ См.: Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их соотношения с роинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // Диаспоры. 2005. № 3. С. 44–70.

² См.: Беспмятных Н. Н. Границы и пограничья: подходы, понятия, перспективы. Минск, 2012.

³ См.: Расолько И. Д. Перспективы применения категорий «диаспора» и «диаспоральность» в социологическом анализе // Социология. 2012. № 3. С. 122–129.

⁴ См.: Беспмятных Н. Н. Этнокультурное пограничье и белорусская идентичность: проблемы методологии анализа кросс-культурных взаимодействий. Минск, 2007.

⁵ Беларуская дыяспара: нарысы гісторыі і сучаснага стану. Минск, 2006. С. 74.

⁶ Matulionis A., Beresnevičiūtė V., Leončikas T., Šliavaitė K., Heinrich H., Alekseeva O. Research Report № 7 The Belarusian Minority in Lithuania // ENRI-East Project [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.enri-east.net/wp-content/plugins/download-monitor/download.php?id=584>. Дата доступа: 14.02.2013.

⁷ Zieliński K., Cześniak-Zielińska M., Matysiak L., Domaradzka A., Widła Ł., Heinrich H., Alekseeva O. Research report № 10 Belarusian minority in Poland // ENRI-East Project [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.enri-east.net/wp-content/plugins/download-monitor/download.php?id=619>. Дата доступа: 14.02.2013.

⁸ Там же.

⁹ Lithuanian 2011 Population Census in Brief // Lietuvos Statistikos Departamentas [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.stat.gov.lt/uploads/Lietuvos_gyventojai_2011.pdf. Дата доступа: 14.02.2013.

¹⁰ Mały rocznik statystyczny Polski 2012 // Główny Urząd Statystyczny [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.stat.gov.pl/cps/rde/xbcr/gus/oz_maly_rocznik_statystyczny_2012.pdf. Дата доступа: 14.02.2013.

¹¹ EVS (2011): European Values Study 1991-2008, Longitudinal Data file. GESIS Data Archive, Cologne, Germany, ZA4804 Data File Version 1.0.0 (2011-04-30) doi:10.4232/1.4804. (<http://dx.doi.org/10.4232/1.4804>).

¹² Беларуская дыяспара: нарысы гісторыі і сучаснага стану... С. 50.

¹³ Закон от 6 января 2005 года о национальных и этнических меньшинствах и региональном языке // Ministerstwa Spraw Wewnętrznych [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.msw.gov.pl/download/1/2340/rosyjski.pdf. Дата доступа: 05.02.2013.

¹⁴ См.: Wyniki Narodowego Spisu Powszechnego Ludności i Mieszkań 2002 w zakresie deklarowanej narodowości oraz języka używanego w domu. Mniejszości według województw, powiatów i gmin w 2002 r. // Główny Urząd Statystyczny [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://demografia.stat.gov.pl/BazaDemografia/Downloader.aspx?file=PUBL_nsp2002_tabl3_mn.zip&sys=nsp2002. Дата доступа: 05.02.2013.

¹⁵ См.: Lista gmin wpisanych na podstawie art. 10 ustawy z dnia 6 stycznia 2005 r. o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym do Urzędowego Rejestru Gmin, w których jest używany język pomocniczy // Ministerstwo Administracji i Cyfryzacji [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mac.gov.pl/wp-content/uploads/2011/12/Lista-gmin-wpisanych-do-Urz%C4%99dowego-Rejestru-Gmin-w-kt%C3%B3rych-jest-u%C5%BCywany-j%C4%99zyk-pomocniczy.pdf>. Дата доступа: 05.02.2013.

¹⁶ См.: Lista gmin wpisanych na podstawie art. 12 ustawy z dnia 6 stycznia 2005 r. o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym (Dz. U. Nr 17, poz. 141, z późn. zm.) do Rejestru gmin, na których obszarze używane są nazwy w języku mniejszości // Ministerstwo Administracji i Cyfryzacji [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mac.gov.pl/wp-content/uploads/2011/12/Lista-gmin-wpisanych-do-Rejestru-gmin-na-kt%C3%B3rych-obszarze-u%C5%BCywane-s%C4%85-nazwy-w-j%C4%99zyku-mniejszo%C5%9Bci2.pdf>. Дата доступа: 05.02.2013.

¹⁷ См.: Wyniki Narodowego Spisu Powszechnego Ludności i Mieszkań 2002 w zakresie deklarowanej narodowości oraz języka używanego w domu. Mniejszości według województw, powiatów i gmin w 2002 r. // Główny Urząd Statystyczny [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://demografia.stat.gov.pl/BazaDemografia/Downloader.aspx?file=PUBL_nsp2002_tabl3_mn.zip&sys=nsp2002. Дата доступа: 05.02.2013.

¹⁸ См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

¹⁹ Титаренко Л. Г. Модели национальной идентичности населения Беларуси и перспективы их развития // Философия и социальные науки. 2009. № 1/2. С. 11.

²⁰ Там же. С. 13.

²¹ См.: Брубейкер Р. Указ. соч.

²² Беларуская дыяспара: нарысы гісторыі і сучаснага стану... С. 74.